

ПЕРЕПИСКА КН. Д. И. ДОЛГОРУКАГО

Кн. Д. И. Долгорукий брату.

16 Августа, 1825 года.

Послѣдняя почта не принесла мнѣ вѣстей отъ тебя. дорогой другъ. Я приписываю это празднику, который долженъ былъ быть въ Луккѣ 15 сего мѣсяца, но не оправдываю вашей лѣни, которая на мой взглядъ въ подобныхъ случаяхъ всегда преступна. Пишу вамъ. хотя у меня и нѣтъ ничего ни любопытнаго, ни спѣшнаго, чтобы сообщить вамъ.

Скоро вы получите съ австрійскимъ курьеромъ. можетъ быть, въ нѣсколько пріемовъ, посылки на вашъ адресъ. Вы тотчасъ же предупредите гр. Бутурлину, потому что онѣ принадлежать ей. Любопытно знать подробности вашего возвращенія и пребыванія на водахъ, прошу васъ, пожалуйста, не водите меня за носъ слишкомъ долго и скажите мнѣ рѣшительно. *влюблены вы или нѣтъ?* Завтра у насъ, у неаполитанскаго посла, будетъ большой праздникъ:

„Фонтаны, бураки и пламенные рѣки.“

Мое здоровье поправляется. Я имѣю виды на своего банкира, котораго рассчитываю взять лаской и льстивыми рѣчами для того, чтобы онъ ссудилъ мнѣ довольно крупную сумму денегъ, для расплаты съ займодавцами. Это очень трудно сдѣлать! Выскочки часто на все соглашаются, если нѣсколько разъ довка ввернуть титулъ *Ваше Сіятельство*.—Все еще нѣтъ писемъ изъ Лозанны.

Неужели у графини все время лихорадка? Эта мысль удручаетъ меня. Передай мои привѣтствія любезнѣйшему изъ обществъ. Скажи

мадемуазель Аннетъ, что при первомъ удобномъ случаѣ она получить отъ меня колечко, не представляющее цѣнности, но замѣчательное по своей древности, привезенное изъ Неаполя антикваріемъ Висконти, нашедшемъ его во время раскопокъ Помпеи. Пусть оно будетъ хорошимъ знакомъ для мадемуазель Аннетъ, пусть принесетъ ей счастье. Прощай.

18 Августа 1825 года.

Я посылаю на почту узнать, принимаютъ ли письма съ маленькимъ кольцомъ внутри ихъ.

Римъ, 21 Августа.

Твоя военная хитрость доставила мнѣ большое удовольствіе, дорогой мой Рафаэль. Съ женщинами всегда я позволяю себѣ вести маленькую войну и употреблять хитрость въ борьбѣ съ ними. Письмо г-жи Лотцъ прелестно, и нужно быть созданнымъ изъ льда, чтобы не почувствовать подобныхъ выраженій дружбы. Передай ей это отъ меня. Вотъ итальянскіе стихи, которые прошу ее принять не какъ награду, а какъ простой знакъ памяти и преданности. Они въ ея вкусѣ. Я въ этомъ увѣренъ.

Ты знаешь, что завтра день моего рожденія. Такъ вотъ, идя благодарить Небо, я не премину помолиться также и за этихъ женщинъ.

Флоренція меня нисколько не удивляетъ. Вѣтеръ необходимъ для воздушнаго пространства, интриги, козни—для этрусскаго общества, но твой планъ очень разуменъ: не нужно поощрять злословія; я увѣренъ, что гр. въ восторгѣ отъ злобныхъ замѣчаній толпы, но нельзя не считаться съ мнѣніемъ общества, которое слишкомъ часто вымѣщаетъ это на такихъ людяхъ вещами. Она прекрасна, но въ то же время долгъ еще прекраснѣе.

Хочешь скрыть свою игру? Ухаживай за нѣсколькими изъ *этихъ дамъ* и такимъ способомъ уничтожь сплетню, отвлеки ее отъ той, къ кому она относится. *Аннетъ* очень млада; ея привѣтливыя и полныя простоты манеры могутъ дать еще больше пищи ложнымъ догадкамъ—и, наконецъ, ты такъ же хорошо, какъ и я, можешь избѣгать непріятностей, которыя тебѣ встрѣчаются.

Г. возвратился. Мы опять въ лучшихъ отношеніяхъ. До Мая разлука сближаетъ людей; та же откровенность; то же обращеніе, ко-

торое меня больше не обманывают. Слухи о его планахъ переселить жену и дѣтей въ *Сиенну* оказались вѣрными, и ты можешь говорить объ этомъ со всѣми, здѣсь это болѣе чѣмъ извѣстно. К. все упустилъ. Новыя письма гр. Н. къ Г. гласятъ, что мѣсто уже занято другимъ. — Говорятъ, временно, но дипломатія не знаетъ вздорныхъ слуховъ. Сдѣлай мнѣ одолженіе, каждый разъ сообщай номера дошедшія по назначенію, и отдавай мнѣ точный отчетъ во всемъ, что происходитъ въ домѣ В... Прощай. Сегодня я обѣдаю у своего банкира и надѣюсь уладить свои денежные дѣла. — Посылаю еще письма въ Лозанну, потому что ихъ молчаніе меня тревожитъ. Съ австрійскимъ гонцомъ ты получишь на свой адресъ большую посылку № 1. Это табакъ для графа Бутурлина. Оставь его такъ, какъ онъ есть, не распечатывая.

1-го Сентября.

Еще только 5 часовъ утра, а я уже сижу за маленькимъ столомъ. Вчера у меня до того болѣли зубы, что пришлось прибѣгнуть къ послѣднему средству. Зубной врачъ, хорошенько помучивъ меня, навсегда избавилъ меня отъ больного зуба. Это обстоятельство заставило меня весь вчерашній вечеръ просидѣть дома; я рано легъ спать — и вотъ я уже у окна, наблюдаю великолѣпное зрѣлище восходящаго солнца.

По утрамъ бываютъ минуты, когда свѣжій осенній воздухъ возвращаетъ меня къ жизни и даетъ ощущение счастья; но онѣ рѣдки, безплодны, и могутъ сказать не больше, чѣмъ говоритъ падающая звѣзда.

Въ понедѣльникъ почта ничего не принесла мнѣ ни изъ Флоренціи, ни изъ Лукки, мой добрый другъ, но я не злопамятенъ, и снова пишу тебѣ скучное письмо. Изъ него ты узнаешь, что мое здоровье въ томъ же состояніи, и что съ каждой недѣлей я все больше и больше устаю отъ служебныхъ занятій и своего бесполезнаго пребыванія въ Римѣ. Третьяго дня мы цѣлымъ обществомъ обѣдали у французскаго посланника въ Альбано, маленькомъ городкѣ возлѣ Рима, построенномъ на склонахъ горъ, съ красивымъ озеромъ, прелестными уголками и великолѣпными рощами. Но за городомъ, даже избранное общество, дѣйствительно привлекательно только тогда, когда состоитъ изъ людей, близкихъ между собою. Городъ требуетъ принужденности, деревня хороша только своей свободой, и нѣтъ ничего болѣе неподхо-

дящаго, чѣмъ дипломатъ въ деревнѣ. Изъ Альбано мы вернулись очень поздно.

Свѣтила полная луна: она имѣетъ удивительно величественный видъ, когда появляется надъ безводными равнинами Лаціума и озаряетъ блѣднымъ и въ то же время яркимъ свѣтомъ гробницы Аппіевой дороги. Тогда обширныя и пустынныя римскія поля кажутся мнѣ моремъ, поглотившимъ знаменитую *Армаду* и затѣмъ успокоившимся надъ обломками непобѣдимаго флота. Ночи нигдѣ такъ не напоминаютъ Оссіана, какъ среди развалинъ римскаго величія. *Все это описаніе предназначено для мадемуазель Лотцъ.* Моя жизнь до такой степени однообразна, что для того, чтобы сказать что нибудь, мнѣ нужно перенестись или въ прошлое, или же въ будущее. Но такъ какъ на послѣднее почти всегда вліяетъ наше настоящее, то послѣднее не предвѣщаетъ мнѣ ничего особенно благопріятнаго. Среди хорошихъ книгъ, полный цѣлаго ряда счастливыхъ воспоминаній, я возвращаюсь лишь въ общество знаменитыхъ и мудрыхъ мертвецовъ.— Читалъ ли ты когда нибудь прекрасное сочиненіе *Виллера* о духѣ и значеніи реформаціи Лютера?— Вотъ отрывокъ изъ произведенія этого писателя: „*Серьезный (Иисусъ Христосъ), осторожный въ своихъ поступкахъ, непринужденный, простой и величавый въ рѣчахъ, съ душой, казавшейся спокойной, ясной и глубокой, какъ синевы небесъ.*“

Эта маленькая выдержка предназначается для мадемуазель Аннетъ, которая, надѣюсь, еще не забыла меня, что легко могло бы произойти, ввиду ея дружбы съ прелестнымъ *Дарлингомъ*. Собаки этой породы— мои опасныя соперники.

Виллеръ весь на сторонѣ реформаціи и съ большимъ краснорѣчіемъ и правдивостью доказываетъ, что она дала много хорошаго. Здѣсь вышло предписаніе, совершенно воспреещающее ввозъ иностранныхъ книгъ, и строгости по отношенію къ этому новому указу такъ велики, что даже путешественники могутъ оставлять у себя книги для частнаго пользованья только при томъ условіи, если запишутъ свое имя, названіе книги и дадутъ честное слово (гдѣ же?—въ таможи!) въ томъ, что никому не отдадутъ книгу и не примутъ ее снова черезъ границу.—Вотъ въ какую страну пришлось мнѣ удалиться! Вотъ что называется распространять просвѣщеніе и покровительствовать наукамъ!—Я не могу сообщить тебѣ ничего новаго. Италинскій чувствуетъ себя хорошо и очень добръ ко мнѣ. Меня хотятъ избрать членомъ Академіи Св. Луки и сдѣлаютъ меня *пастыремъ Академіи*.

Затѣмъ одинъ изъ моихъ друзей посвятить мнѣ небольшое сочиненіе, на которомъ поставитъ мое имя, употребивши всѣ мои титулы. Отъ скуки дѣлаешься суетнымъ. Такимъ образомъ я, ничего не зная, буду членомъ трехъ или четырехъ академій.

Только что получилъ твое послѣднее письмо: оно блещетъ, какъ солнце—а мое, увы! это полная луна! Согласись съ этимъ, мой добрый другъ. твои успѣхи и жалобы восхищаютъ меня. Отправляясь сегодня въ канцелярію, я покажу доброму старику въкоторыя мѣста твоего письма, оно очень позабавитъ его. Только твое описаніе слишкомъ длинно для развлеченій на водахъ, за что я вдвое благодаренъ тебѣ.

Падаю къ ногамъ Воронцовой. Совѣсть упрекаетъ меня за то, что я не писалъ ей, но я положительно напишу ей со слѣдующей почтой. Чувствую безконечную признательность къ этимъ добрымъ женщинамъ, которымъ угодно помнить обо мнѣ. Осмотрительность мучаетъ меня, а копія никогда не сравнится съ подлинникомъ.

Кромѣ того, я знаю все, что требуется этикетомъ и порядкомъ—и одобряю это, порой даже на свою шею. Ваше письмо согрѣетъ меня лучше солнца. Откладываю до слѣдующаго раза подробный отвѣтъ и да здравствуетъ *крань!* и да здравствуетъ *источникъ!* и да здравствуетъ *ловкость!* Я ничего не заплатилъ Бутурлину.

Скажи, передалъ ли ты мое письмо Демидову, потому что для меня важно было написать его по возвращеніи въ Римъ? Невозможно кончить это письмо, не сказавши еще пары словъ нашимъ дамамъ. Привѣтствую ихъ отъ всей души, воспоминаніе о нихъ связано у меня съ множествомъ мелочей, и когда мнѣ случается за чтеніемъ или среди разговора вспомнить о нихъ, я долженъ оставить книгу или прекратить бесѣду.—Ахъ, если бы воспоминаніе было одинаково устойчиво во всѣхъ отношеніяхъ,—тогда легко можно было бы обойтись безъ воображенія.—

---

23 Октября.

Прошло цѣлое столѣтіе, мой добрый другъ, съ тѣхъ поръ, какъ имя принцессы саксонской попало въ нашу переписку, и новый государь вступилъ на баварскій тронъ послѣ твоего послѣдняго письма. Ты намѣревался написать мнѣ изъ Лукки, но обманулъ меня въ ожи-

даніяхъ, а доклады, которые ты одинъ за другимъ посылалъ Италлинскому, извѣщали меня о всѣхъ вашихъ развлеченіяхъ, такъ что я освобождаю тебя отъ новаго ихъ описанія, но писемъ твоихъ я жду съ нетерпѣніемъ. Гр. Гагарина съ дѣтьми уѣхала въ Сиенну, грустная, раздосадованная, что приходится покидать Римъ, гдѣ она хотя вела и очень уединенный образъ жизни, но всегда имѣла небольшой кружокъ монаховъ и священниковъ.—Будь наготовѣ, потому что сегодня гонецъ былъ вызванъ въ Неаполь, чтобы оттуда тотчасъ же отправиться на сѣверъ, и не забудь прислать мнѣ копіи съ депешъ, о которыхъ тебя просило посольство, и которыя, хотя всѣ и помѣчены Римомъ, все таки должны находиться во Флоренціи.

Меня просили предупредить тебя, что для каждаго отдѣльнаго русскаго путешественника ты можешь безпрепятственно испрашивать пропуски, потому что римское правительство не дѣлаетъ никакихъ затрудненій для ихъ полученія. Это разрѣшеніе дастъ тебѣ возможность сдѣлать имъ пріятное, а не надо упускать этого случая по отношенію къ любезнымъ нашимъ соотечественникамъ. Благодарю тебя за письмо Пери, которое ты передалъ мнѣ вмѣстѣ съ двумя своими записочками, и которое было написано наканунѣ ихъ отъѣзда изъ Лозанны. Съ англійскими путешественниками она прислала мнѣ „коронованіе“ короля, написанное Ламартиномъ, содержаніе и изображеніе которыхъ есть оскорбленіе генія. Съ той же Англичанкой добрая гр. Шувалова прислала мнѣ маленькій альблитографій, со швейцарскими видами и костюмами. Я необыкновенно тронутъ этими знаками дружбы, и я особенно признателенъ Пери, этому вѣрному другу. Наши дамы уже въ Парижѣ, и я уже отправилъ вслѣдъ за ними посланіе.

Пери сыграла роль Жанны д'Аркъ, такъ удачно примиривъ добраго Кулеваева съ Кассандрой, и нужно признаться, что женщины очень ловки въ переговорахъ и непреклонны въ желаніяхъ. Эта новость восхищаетъ меня, потому что съ отъѣздомъ Кулеваева Пери была совершенно одинока, и все таки у нея есть забота и поддержка чловѣка, который можетъ защищать ее и отъ другихъ, и отъ ея собственныхъ волненій.

Появилась, мой добрый другъ, новая книга Поттера объ ученіи Риччи, епископа Пистойи, о которой много говорятъ и которую невозможно достать въ Римѣ, такъ какъ Риччи, жившій въ царствованіи Великаго Герцога Леопольда, въ послѣдствіи императора Австрійскаго, былъ возведенъ въ преобразователи и осужденъ папскимъ пре-

столомъ. Говорять, эта книга есть во Флоренціи. Такъ, сдѣлай мнѣ одолженіе, розыщи ее поскорѣе и пришли съ первымъ же русскимъ путешественникомъ или съ австрійскимъ гонцомъ, что еще лучше.

Я обращаюсь къ тебѣ съ этой настоятельной просьбой, надѣясь что ты не откажешься отъ нея. Здѣсь мое письмо къ Антонинѣ, которое я попрошу тебя переслать ей.

У насъ отвратительная погода. Проливные дожди, и этотъ переходъ отъ осени къ зимѣ изнуряетъ меня. Что подѣлываютъ пока наши прекрасныя дѣвицы и наши добрыя дамы? Тотъ Англичанинъ все такъ же ли счастливъ, какъ былъ нѣсколько недѣль тому назадъ, и думаешь ли ты, что свадьба состоится? Передай отъ меня тысячу привѣтствій г-жѣ Лотцъ и мадемуазель Аннетъ и скажи имъ, что, если по полученіи этого письма онѣ замѣтятъ на небѣ тучи, пусть знаютъ, что это вѣстники моихъ пожеланій. потому что я желаю имъ всего наилучшаго на свѣтѣ. Повидимому Матрона совсѣмъ не хочетъ мнѣ отвѣчать?—Коссакъ..... проводить зиму въ Римѣ...

Возвращеніе Сверъ позволить тебѣ пріѣхать посмотрѣть Римъ къ концу года: это будетъ время нашихъ религіозныхъ обрядовъ и я съ одной стороны надѣюсь, что кранъ будетъ благоволить намъ и что Ит. не будетъ противиться этому маленькому путешествію. Вотъ наконецъ послѣдняя надежда, способная вывести меня изъ удручающей тоски, гнетущей мой умъ, какъ преступленіе гнететь совѣсть. А какъ подвигается итальянскій языкъ? Выглянуло солнце, и день снова лучезарно красивъ. Ахъ!... Прощай.

2 Октября.

Милліонъ разъ благодарю тебя за посылки, дорогой мой другъ. Книги, полученныя черезъ австрійскаго гонца, доставили мнѣ большое удовольствіе, а имя прелестной Пери присоединилось ко всѣмъ прекраснымъ мыслямъ, ко всѣмъ удачнымъ выраженіямъ. Вчера я получилъ отъ нея длинное письмо, кузина повидимому окончательно рѣшила провести зиму въ Парижѣ, и такъ какъ около 10-го числа этого мѣсяца она уѣзжаетъ изъ Лозанны, я прервалъ всякую переписку съ Швейцаріей, до новыхъ предписаній. Пери сообщаетъ мнѣ о письмѣ кузины. Мое здоровье плохо. Сегодня ночью у меня была лихорадка—и сновидѣнія. Корабль разсѣкалъ небеса, а лучи солнца.

заходившаго въ огненное море, падали на его паруса. Зрѣлище было волшебное. Мадемуазель Аннетъ садилась на корабль, а я протягивалъ ей руку, чтобы помочь прыгнуть въ лодку.

Sono tutti i sogni
Immagine del di, qualfe e carrotte.

Врачъ только что ушелъ отъ меня, онъ сказалъ, что это маленькая простуда. Это вполне понятно, у насъ былъ такой быстрый переходъ отъ тепла къ холоду, что никакое здоровье не устоитъ противъ такого рѣзкаго измѣненія атмосферы. Я уже надѣвалъ свой великолѣпный плащъ, но только связанные съ нимъ воспоминанія дѣлаютъ эту зимнюю одежду болѣе теплой.

Мой *песъ* тебѣ кланяется. Замѣтно, какъ онъ растетъ, онъ будетъ такой же большой, какъ ньюфаундлэндъ Демидова. Онъ будетъ спутникомъ моей жизни.

Я нахожу, что вторая часть путешествія вокругъ моей комнаты не такъ блестяще написана, какъ первая. Ночное путешествіе находится въ большой зависимости отъ вліянія луны, въ то время, какъ первое путешествіе вдохновлялось всецѣло солнцемъ. Я раньше зналъ повѣсть о Каскамбѣ и о молодой сибирячкѣ. Сегодня утромъ я написалъ графу де Мэстръ, и жалею на его молчаніе. Скажи многое мадемуазель Лотцъ. У меня нѣтъ никакой надежды увидѣть ее еще разъ. Небо искушаетъ меня. Оно приближаетъ ко мнѣ людей, которыхъ я люблю, и въ то же время похищаетъ ихъ у меня. Въ нравственномъ отношеніи это Танталовы муки. Тысячу привѣтствій мадемуазель Аннетъ, которая, соединившись со своей подругой, должно быть, опять очень счастлива. Не можетъ ли она оказать мнѣ нѣкоторые знаки дружбы? Не можетъ ли луна служить ей зеркаломъ? Сразу замѣтно, что у меня лихорадка. Я люблю ее отъ всего сердца (пусть она проститъ мнѣ откровенность философа). Когда я вновь смогу сѣсть за столъ рядомъ съ нею и объявить ей войну? Она опасный противникъ, часто выбивавшій меня изъ окоповъ, за которыми я считалъ себя въ безопасности... Особенно однажды, за обѣдомъ у Поггенполь.—Прощай, дорогой другъ. Отъ души цѣлую тебя. Во вторникъ ты получишь продолженіе моихъ вѣстей. Ась! какъ скучно.

3-го Октября.

Напрасныя опасенія, дорогой мой Рафаэль. Дѣло золотого крана идетъ какъ нельзя лучше и хотя я не согласенъ съ тобою относительно быстраго оглашенія его, увѣренъ ли ты, по крайней мѣрѣ, въ томъ,

что твоя страсть, заглошшая во время пребыванія въ Петербургѣ, возобновится во Флоренціи. Это открытіе восхищаетъ меня. Сердиться бесполезно. „Представьте себѣ, что человѣкъ, который вамъ препятствуетъ или надѣдаетъ вамъ, оказывается гранитной скалой, которая лежитъ на вашей дорогѣ и которую нужно обойти съ осторожностью. Это истины, которымъ я, къ величайшему моему сожалѣнію, не слѣдовалъ, и я васъ увѣряю, что къ нимъ можно очень хорошо приноровиться, соблюдая свое достоинство и чистую совѣсть“. Вотъ что сказалъ мнѣ однажды гр. де Мэстръ въ одномъ изъ своихъ прелестныхъ писемъ, съ которыми я не разставался нигдѣ, и которыя, какъ въ Константинополь, такъ и въ Римѣ, способствовали радости моего существованія. Къ тому же время все сглаживаетъ. Развѣ совѣсть меньше мучаетъ насъ, когда толпа заимодавцевъ стучится у нашихъ дверей, а мы не имѣемъ никакой возможности удовлетворить ихъ справедливымъ требованіямъ, чѣмъ когда мы готовы разорваться, чтобы помочь другимъ? Демидовъ родственникъ. Вотъ первое положеніе. Мы бѣдны, и всѣ это знаютъ. Вотъ второе. Будемъ держаться и того, и другого. Итакъ, не огорчайся, и пусть все идетъ своимъ чередомъ. Вотъ письмо, только что полученное отсюда. Въ немъ есть мѣста, которыя могутъ заинтересовать тебя. Новость Поля доставила мнѣ большое удовольствіе и я надѣюсь, что императоръ не откажется дать ему хорошее мѣсто. Но возможно ли, чтобы подобныя извѣстія сообщались намъ газетами? Поль относится очень небрежно къ своей семьѣ, и я тоже начинаю сердиться на него. Я скоро напишу ему, а ты перешлешь ему мое письмо черезъ Москву.

Слово *умницы* преслѣдуетъ меня и мнѣ уже кажется, что даже судьба смѣется при этомъ названіи. Ты жалѣешь о близкомъ отъѣздѣ г-жи Лотцъ. Такъ я тебѣ скажу, что она поселится въ домѣ Льва Потоцкаго, гдѣ ей будетъ поручено воспитаніе его дочери, такъ какъ воспитаніе мадемуазель Аннетъ уже кончено. Это было мнѣ извѣстно *подъ секретомъ* со словъ самой г-жи Лотцъ. Нельзя не восхищаться этой уважаемой женщиной.—Просьба о протекторатѣ со стороны Грековъ дѣло еще совсѣмъ нерѣшенное, и Англія никакъ не можетъ вступить въ переговоры, которые до такой степени не соответствовали бы всѣмъ видамъ Священнаго Союза. Должно быть Греція, была одной изъ весьма важныхъ причинъ, почему англійское министерство, во время занятія войсками испанскихъ владѣній Америки, обезпечило европейскій миръ. Во Франціи дѣлается все возможное для того, чтобы возбудить общественное мнѣніе и заставить Францію раньше Англіи взять на себя починъ въ дѣлахъ Греціи.

Но это правительство бессильно, и мнѣ кажется, что все это опровергаетъ распускаемые газетами слухи. По моему одно только Небо можетъ судить Священный Союзъ, потому что онъ поставленъ на такую высоту, что человѣку невозможно возвыситься до него. Въ сравненіи съ этимъ политическимъ божествомъ мы подобны жителямъ пустыни передъ гигантской статуей Мемнона.—До завтра, цѣлую тебя. Завтра буду продолжать свое письмо.—

4 Октября.

Мое здоровье, дорогой другъ, прекрасно, лихорадка оказалась легкой простудой, прекратившейся вмѣстѣ съ холодомъ. Какъ же ты хочешь, чтобы мои книги пришли къ тебѣ черезъ Болонью, когда этотъ городъ стоитъ сѣвернѣе Флоренціи. Посылка можетъ прійти только изъ Россіи или изъ Лозанны. Бумага гр. Бутурлиной была послана съ Обрѣзковымъ, и я не ошибся, говоря, что за пересылку пакета гр. Бутурлиной на почтѣ хотѣли получить 3 эку. и что я совершенно не заслуживаю ея упрековъ, ни устныхъ, ни письменныхъ, потому что, если бы я имѣлъ возможность, я предпочелъ бы всякое общество ей, и считалъ бы высшей для себя честью жить вблизи ея. Правда ли, что братъ гр. Авроры женился на сестрѣ нашего Коссаковского?

Я замѣтилъ, что шотландскій принцъ начинаетъ очень хорошо обходиться съ золотымъ краномъ, который нарочито въ Пизу поѣдетъ. Вотъ случай побывать въ семь достопамятномъ мѣстѣ, гдѣ умерла бѣдная к. Долгорукая, гдѣ похоронена Шувалова и гдѣ показываютъ кладбище архитектуры среднихъ вѣковъ, и земля коего вся нанесена крестоносцами изъ Палестины. Въ самомъ кладбищѣ существуютъ монументы великихъ мужей Италіи. Крѣпко держись за золотой кранъ. Онъ тебѣ будетъ во многихъ случаяхъ чрезвычайно полезенъ. Не слушай злословія другихъ. Многие, а особливо Бутурлины, въ враждѣ съ Д... за что? Богъ знаетъ. Тверди имъ почаще, что ты родственникъ золотого крана, и подъ симъ предлогомъ многое можетъ тебѣ съ рукъ сойти. Нашъ старикъ любитъ Демидова. Гагара ненавидитъ, потому что онъ ему не далъ денегъ взаймы. О люди! О люди! Они вѣчно и любятъ и ненавидятъ... смотря по тому, что выгоднѣе. Здѣшній патріархъ все еще очень боленъ. Быть скоро новому конклаву.

Здѣсь находятъ, что ты слишкомъ рѣдко величаешь Италінскаго *Превосходительствомъ*, и употребляешь въ докладахъ *Вы*.

слово, котораго здѣсь вовсе не желаютъ слышать. Тысячу разъ благодарю тебя за письмо¹⁾ и за приложенія. Письмо Антонины доставило мнѣ большое удовольствіе и извѣстіе о томъ, что у насъ въ Москвѣ все находятся въ добромъ здоровьѣ, успокаиваетъ меня по отношенію къ тому, что всего дороже моему сердцу. Я пришлю тебѣ ея письмо, но съ просьбой вернуть его послѣ того, какъ ты отвѣтишь, для того, чтобы мой отвѣтъ былъ похожъ на Ея письмо.—Вотъ отвѣтъ Бутурлиной: онъ познакомитъ тебя съ ея взглядами на вещи, взглядами, я увѣренъ, совершенно не соответствующими твоимъ намѣреніямъ. Ты найдешь здѣсь маленькое приложеніе—нѣсколько словъ отъ мадемуазель Тизенгаузенъ: прошу тебя уважить ея просьбу и немедленно дать мнѣ отвѣтъ. Валентинъ имѣетъ право давать пропуска въ папскія владѣнія. Попробуй этотъ способъ, чтобы каждый разъ не обращаться въ римское посольство. Это офиціальное предложеніе. Нашъ гонецъ отправляется обратно въ четвергъ, и для того, чтобы наказать тебя за молчаніе, я внушилъ Италинскому мысль спросить у тебя депеши, которыхъ не доставало нашимъ архивамъ. О нихъ никто и не думалъ. Прошу прощенія за это милое плутовство. Какой позоръ! У нашего викарія кардинала Зурла, архіерейскій насморкъ! Весь городъ ходитъ за нимъ слѣдомъ, и говорятъ, что самъ папа смѣялся надъ нимъ! Будь милостивъ! На твое имя придетъ изъ Милана большая связка книгъ. Тотъ часъ же пришли мнѣ ее съ какимъ нибудь путешественникомъ, имѣющимъ пропускъ.

Чѣмъ кончилось дѣло Новосильцева и что такое Новосильцевъ? Вотъ что намъ всемъ было бы любопытно знать. Было бы недурно съ твоей стороны если бы ты время отъ времени писалъ кн. Гагарину. Сверчковъ всегда это дѣлалъ и я знаю, что князь очень любитъ получать письма. Демидовъ сказалъ мнѣ о свадьбѣ мадемуазель Аннеть съ г-номъ Бару.

Прощай, сегодня я буду обѣдать со своимъ докторомъ въ тавернѣ. Будь здоровъ—какъ я.

Римъ, 25 Октября. 1825 года.

Я говорю съ Демидовымъ о денежныхъ дѣлахъ. но только *между прочимъ*.

Все еще не одного письма изъ Парижа!

¹⁾ Писано симпатическими чернилами.

Распечаталъ свое письмо, дорогой мой другъ, чтобы сказать тебѣ, что прилагаю къ нему оду на смерть Наполеона, написанную однимъ Итальянцемъ, приобрѣтшую громкую извѣстность въ Италіи. Она этого заслуживаетъ, потому что это дѣйствительно самое лучшее, что было написано на эту тему, и Лавинъ и Ламартинъ никакъ не могутъ похвастаться тѣмъ, что превзошли *Манцони*. Говорятъ, что Гете перевелъ эту прекрасную оду. *Она очень трудна*.

Немедленно ¹⁾ отвѣчаю на твое письмо № 1 б. описывающее добрыя отношенія къ тебѣ Сверчкова. Мнѣ кажется, это дѣло мудреное, потому что, что скажетъ Италинскій при дворѣ, не зная того, чего хочетъ Сверчковъ, и *не имѣя отъ него никакихъ данныхъ по этому вопросу*.—Я могу ему рассказать, но это дѣло очень щекотливое, именно потому, что ты мой братъ. Съ другой стороны я совѣтую тебѣ не просить чина, потому что *невозможно*, чтобы тебѣ его дали. Стало бытъ лучше хлопотать о мѣстѣ при дворѣ, что тебѣ гораздо легче получить. Признаюсь, что твое заявленіе взволновало меня до глубины души и что переговоры, которые ты мнѣ поручаешь, кажутся мнѣ очень трудными. Для меня—дѣло не въ представленіи, и я ни слова не скажу до тѣхъ поръ, пока со мной не будутъ говорить. Въ такое время говорить о тебѣ,—значитъ и самому выставляться на показъ?? Пожалуйста пришли мнѣ книгу, т. е. Поттера. Прощай.

25 Окт.²⁾ Сдѣлай одолженіе, дорогой мой другъ, возьми на себя трудъ похлопотать о томъ, чтобы пропускъ, о которомъ Италинскій просилъ сегодня утромъ, безъ малѣйшей задержки прибылъ на границу въ *Перуджію*. Онъ нуженъ Обрѣзкову, который во вторникъ выѣзжаетъ лошадами, но, ради Бога, не ошибитесь, потому что одна почта отправляется въ Римъ черезъ *Перуджію*, а другая—другимъ путемъ. Поручите передачу его самому начальнику почты. У меня нѣтъ положительно ничего новаго. Папѣ ни лучше, ни хуже, но погода великолѣпна. Конецъ мѣсяца приближается, и я надѣюсь, что гр. Воронцова не замедлитъ возвратиться въ городъ, тогда ты сообщишь мнѣ новости о нихъ. Сдѣлай мнѣ одолженіе, сообщи, каковъ долженъ быть послѣдній номеръ табака?

Я такъ часто ошибаюсь, что у меня является желаніе быть точнымъ. Прощай.

Д. Д.

¹⁾ Писано симпатическими чернилами.

²⁾ Тоже.

Отъ Италинскаго ты получишь приказъ съ просьбой о пропускѣ для Обрѣзкова, того самого, о которомъ тебѣ однажды говорилъ Маріотти, и которому ты отвѣтилъ, что дѣло Бутурлиныхъ еще слишкомъ свѣжо въ памяти, и такъ возмущилъ тосканскаго министра, чтобы ты вообще не думалъ въ скоромъ времени получить у него пропускъ для кого бы то ни было. Я читалъ это письмо Маріотти и упоминаю о немъ для того, чтобы ты зналъ, что, благодаря ему, дѣло Бутурлиныхъ обнаружилось въ Римѣ и въ Неаполѣ. Не желая, чтобы Италинскій узналъ объ этомъ косвеннымъ путемъ, и видя, что больше нельзя было молчать объ этомъ, я поспѣшилъ пойти къ доброму старику, и увидя, что онъ еще ничего не знаетъ, я ему передалъ отъ твоего имени, секретнымъ образомъ, все, что имѣеть отношеніе къ этому скверному дѣлу. Онъ одобрилъ такой способъ передачи, и былъ возмущенъ Бутурлиными.— Возвратимся къ главному. Ты, можетъ быть, знаешь, что Обрѣзковъ, о которомъ сегодня идетъ рѣчь, женатъ на одной изъ дочерей Василя Сергѣевича Шереметева, и что онъ въ восторгѣ оттого, что можетъ называть насъ кузенами.— И мужъ и жена отнеслись ко мнѣ со вниманіемъ и любезностью, и узнавъ о нашихъ печальныхъ домашнихъ обстоятельствахъ, они рѣшительно желаютъ поговорить о нихъ, черезъ ихъ отца, съ молодымъ Шереметевымъ. Вмѣшательство ихъ отца можетъ имѣть огромное значеніе, и хотя я и подозреваю, что изъ этого ничего не выйдетъ, все таки не нужно пренебрегать случаемъ, а тотъ, который представляется сейчасъ, конечно, одинъ изъ благопріятнѣйшихъ. Вотъ почему я прошу тебя предварительно оказать нѣкоторыя любезности по отношенію къ Обрѣзковымъ, которые, вообще, милѣйшіе люди. Я даже постараюсь завязать съ ними переписку.

---

14 Сент.

Благодарю тебя за письмо, хотя оно и очень коротенькое. Сожалею, что ты настаиваешь на своемъ, читая книгу Ласказъ¹⁾ столь же мало полезную, сколько не стоящую вниманія. Дамъ очень любопытнѣе. Его исторія Венеціанской республики—превосходное сочиненіе. Обрати особое вниманіе на войну съ Кіоджіей²⁾, а въ концѣ тома есть списокъ съ конституціи Венеціи. Его святѣйшество чувствуетъ себя лучше. Я получилъ письма изъ Лозанны, прелестныя, восхити-

---

¹⁾ Графъ Ласказъ, французскій историкъ, сопровождалъ Наполеона въ изгнаніи, и выпустилъ въ свѣтъ „Меморіаль Святой Елены“. П. Б. (младшій).

²⁾ Портъ въ устьѣ Бренты, предѣлахъ Венеційскихъ.

гельныя! Пери пишетъ, какъ могла бы писать настоящая Пери! Я послалъ письма въ Лозанну и написалъ Гойю. Вчера ночью у насъ былъ пожаръ. Сгорѣлъ хуторъ. Ничего не спасли. Коровы, куры, ослы, лошади—все сдѣлалось добычей пламени. Изъ людей никто не пострадалъ. Я скоро займусь посылкой въ Москву. Какъ хороша старшая Огинская, и какъ она похожа на мою Пери. это понятно.— Но что она заставляетъ тебя думать обо мнѣ.—эту загадку ты мнѣ объясни. Ужъ не мольба ли какая!—Господи, какой ужасъ. Небо! Боже упаси! Поскорѣ пришли мнѣ посылку, которую Голицыны должны мнѣ передать. Вотъ письмо, которое я прошу тебя поручить любезности гр. Бутурлиной, матери или дочери, все равно! Вчера былъ несчастный день. Какой то каменьчикъ упалъ съ крыши и не прожилъ ни минуты послѣ своего паденія. Мясникъ, разрѣзывая бычачью тушу, отрѣзалъ руку тому, кто ее держалъ. На ступеняхъ церкви Иисуса замѣтили кровь. Думаютъ, что какая нибудь женщина тамъ родила. Молодая дѣвушка, въ припадкѣ безумія, бросилась съ четвертаго этажа.

---

13 Сентября, вторникъ.

Я писалъ разсужденіе о *Данте*, и остановился на такомъ предложеніи: „Развращенность есть школа человѣчества, и ничто, выходящее изъ рукъ зла, не можетъ быть дѣйствительно красиво“, какъ твое письмо пришло ко мнѣ. Только въ тѣ минуты, когда я получаю извѣстія отъ тебя или изъ Лозанны, я замѣчаю, что существую, такъ подавляетъ меня скука, которую я испытываю. Когда Венеціанцы отправляли пословъ на востокъ, они старались дать имъ вторую родину, и считали имъ годъ службы за два. Нужно было бы ввести такой обычай по отношенію къ тѣмъ, кто ѣдетъ въ Римъ, потому что обѣ древнія римскія столицы одинаково печальны и дики, и я предпочелъ бы видѣть каждый день лучше Турокъ, чѣмъ священниковъ. Твой номеръ 7 содержитъ очень любопытныя вещи, а статья, которую ты ввѣряешь моему благоразумію, заслуживаетъ зрѣлыхъ разсужденій. Такъ какъ дѣло зашло такъ далеко, я безконечно сожалѣю о томъ, что не знаю всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ и ничего не могу сообщить тебѣ ни объ отказѣ, ни о согласіи. Это такой трудный и такой рѣшительный жизненный шагъ, что онъ долженъ быть только слѣдствіемъ глубокаго внутренняго убѣжденія въ полезности и счастья. Поступи же, дорогой Рафаэль, такъ, какъ тебѣ подскажетъ разумъ, и позволь мнѣ хранить молчаніе по вопросу, который такъ трудно рѣшить.—Кромѣ того, въ своемъ письмѣ ты

говоришь только о своемъ окончательномъ рѣшеніи, не объясняя мнѣ никакихъ причинъ, почему ты отказываешься отъ этого брака, и это молчаніе сгущаетъ тьму окружающую этотъ, столь интересующій меня, вопросъ. Между тѣмъ выслушай одно мое возраженіе, а именно, если молодая особа заслуживаетъ уваженіе и обладаетъ свойствами, способными сдѣлать изъ нея хорошую жену, то ты плохо поступишь, если откажешься отъ ея руки. Извѣстно ли тебѣ, какъ велико ея состояніе? Но такъ какъ эта новость исходитъ отъ кузины, узнай ея мнѣніе: она строго судитъ лицъ своего пола; очень расположена къ тебѣ, она знаетъ твой нравъ, можетъ быть знаетъ и характеръ молодой особы. она сумѣетъ разрѣшить твои сомнѣнія. согласится или отмѣнитъ твое рѣшеніе; наконецъ, во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что провидѣніе руководитъ всѣми такими рѣшительными минутами и я вручаю тебя его попеченію. Отвѣтъ кн. Ильѣ, который, какъ ты говоришь, лишаетъ тебя бодрости, но онъ развязываетъ мнѣ руки, и такъ какъ дѣло обстоитъ такъ, то твоя совѣсть можетъ оставаться спокойной по отношенію къ валагаемымъ дружбой обязанностямъ, которыя ты такъ честно несъ передъ этимъ уважаемымъ семействомъ. Не стану тебѣ повторять о томъ, какое впечатлѣніе можетъ произвести это скверное дѣло на Италинскаго, я даже не буду напоминать ему о немъ, потому что обидно видѣть, что подъ именемъ внушающимъ уваженіе, скрывается недостатокъ порядочности. Ты не можешь совершенно отказаться и не идти на свадьбу вмѣстѣ со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, это невозможно. поэтому я тебѣ совѣтую предварительно написать Италинскому, и въ частномъ письмѣ изложить ему то затрудненіе, въ которомъ ты находишься. *Дѣло это дѣйствительно слишкомъ недостойно богатыхъ и честныхъ людей, и такихъ злоупотребленій правительство не должно терпѣть.* Я ничего не говорилъ объ этомъ Италинскому, потому что онъ отъ природы вовсе не скрытный человѣкъ, я не хотѣлъ бы, чтобы объ этой исторіи знали по всему городу; есть люди, которымъ доставляло удовольствіе распускать такіе слухи и возмущаться неприличіемъ подобнаго поведенія; кромѣ того, если ты думаешь, что эту исторію *нужно* доложить Италинскому, я разсѣю недоумѣніе и даже постараюсь сдѣлать это безъ свидѣтелей. Жду отъ тебя рѣшительнаго отвѣта. Испанское пѣніе и русское, конечно, должны имѣть большое сходство; и то, и другое—дѣти рабства, и звуки, печальные и неопредѣленные, одни и тѣ же въ странахъ, гдѣ чужія руки отняли покой и свободу. Такъ тебя разлучили съ милымъ ребенкомъ! А я лишень удовольствія говорить имъ пріятныя вещи.—Вотъ, дорогой другъ, письмо къ сестрѣ Антонинѣ. отправь его вмѣстѣ съ тѣмъ, которое ты ей напишешь

пятнадцатаго. Можетъ быть, я слишкомъ распространился на серьезныя темы, но это все было написано въ одинъ присѣсть. Погода у насъ прекрасная, но у меня нѣтъ охоты гулять, и я усталъ любоваться прекрасными развалинами Рима, я почти весь день провожу дома, гдѣ безъ конца занимаюсь чтеніемъ. Битва при Лютценѣ замѣчательно описана Шиллеромъ. У этого великаго писателя жизненно все, что ни выходило изъ подъ его пера, а моментъ, когда Густавъ Адольфъ падаетъ, сраженный ударами, достоинъ полнаго восхищенія. „Bald entdeckte sein ledig fliehendes, im Blute gebadetes Ross der schwedischen Reiteres ihres Königs Fall, und wüthend dringt sie herbei, dem gierigen Feind diese heilige Beute zu entreisen. Um seinen Leichnam entbrennt ein mörderishes Gefecht, und der entstellte Körper wird unter einen Hügel von Todten begraben“.

Мнѣ очень досадно, что за нѣкоторыя мои издержки тебѣ пришлось заплатить, и если ты хочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе, то оставь у себя носовые платки, они твои. Я пришлю бумагу гр. Бутурлиной, но какимъ путемъ? Сейчасъ такое время года, что путешественниковъ совсѣмъ нѣтъ, и даже пересылка табаку сильно затрудняетъ меня. Маленькіе Голицыны должны скоро пріѣхать во Флоренцію. Отъ прелестной, отъ обожаемой Пери они привезутъ мнѣ книги: стихотворенія Ламартина. Сдѣлай мнѣ удовольствіе, передай мнѣ ихъ тотчасъ же. Я устрою дѣла съ *Бальзани*, каретникомъ, и пришлю тебѣ ящикъ съ книгами, которыя могутъ быть тебѣ полезными для занятій, и заранѣе предупреждаю тебя объ этой посылкѣ. Сдѣлай то же самое. Вотъ маленькій медальонъ папы, онъ очень похожъ. *Кокошкинъ* ѣдетъ въ посольство въ Парижъ. Я положительно не знаю, какъ это посольства находятъ возможнымъ такъ легко переводить его, или это незначительность ихъ службы, которыя имъ лестно замѣстить: или подлость помогаетъ имъ пользоваться преимуществами—чортъ знаетъ!!....

8 Сент.

Сію минуту почта доставила мнѣ твое письмо отъ 6-го Сентября. дорогой мой Рафаэль. Спѣшу тебѣ отвѣтить и начну съ того, что у меня есть свѣжія новости отъ Пери, которая, среди подробнаго описанія ихъ развлеченій и прогулокъ на водахъ, пишетъ мнѣ и о планахъ кухни. Дѣло идетъ о томъ, гдѣ провести зиму, въ Парижѣ, Марселѣ или въ Ниццѣ. Она писала императору о своихъ дѣтяхъ и о тѣхъ заботахъ, въ которыхъ нуждается старшій, говоря, что въ Парижѣ имѣются всѣ средства для выполненія плановъ, намѣченныхъ

въ этомъ отношеніи ея покойнымъ мужемъ. Между тѣмъ окончательно еще ничего не рѣшено, и отъѣздъ, если онъ состоится, совершится въ концѣ этого мѣсяца, или въ началѣ Октября. Пери была больна, и отъѣздъ К., который окончательно разстался съ графиней, нанесъ ей вредъ. Ея письмо прелестно.

Распространеніе твоихъ лишаевъ беспокоитъ меня, тебѣ нужно избѣгать слишкомъ рѣзкихъ движеній, на примѣръ танцевъ, которые въ подобныхъ случаяхъ могутъ быть очень вредными. Мое здоровье опять прекрасно, мои опасенія разсѣялись, и только скука пустила ростки въ глубинѣ моего сердца. Вотъ и ваши увеселенія на водахъ пришли къ концу. Теперь тосканскому дворцу пришла очередь сказать свое слово. Замѣчаніе Бугурлиной о моемъ характерѣ забавно, но я думаю, что она ошиблась безъ дурного намѣренія. Она думаетъ, что знаетъ меня, а на самомъ дѣлѣ знаетъ только мои слабыя стороны. Кромѣ того, услуги оказанныя мнѣ этимъ уважаемымъ семействомъ, дружба, (которой я связанъ) съ сыномъ и его женою и доказательства расположенія, неоднократно выраженные всѣми ими, позволяютъ мнѣ смотрѣть сквозь пальцы на ихъ неразборчивость въ выраженіяхъ. Я искренно преданъ имъ. Наша жизнь идетъ обычнымъ порядкомъ. Италинскій пьетъ за четверыхъ, Гагаринъ разговариваетъ самъ съ собою, Коссаковскій пытается ловить рыбу въ мутной водѣ. Ахъ, какъ мало у нихъ права называться людьми въ полномъ значеніи этого слова, и какое было бы для насъ несчастіе, если бы на этомъ свѣтѣ намъ было суждено сталкиваться только съ ними. Газеты сообщили мнѣ, что маленькій *Горчаковъ* уѣхалъ изъ Лондона и что его послали гонцомъ изъ Парижа въ Петербургъ. Бьюсь объ закладъ, что онъ мѣтитъ на мѣсто перваго секретаря въ Римъ, но тогда я и двухъ минутъ не останусь на своемъ посту. Вотъ уже 18 мѣсяцевъ, какъ мое дѣло не имѣетъ никакихъ послѣдствій, и что то въ глубинѣ души подсказываетъ мнѣ, что не нужно писать Северину во второй разъ. Стало бытъ, прости меня за то, что я не могу согласиться на твою неотступную просьбу, время покажетъ, и чѣмъ медленнѣе исполняются наши желанія, тѣмъ лучше это дѣлается. Съ послѣдней почтой я послалъ гр. Воронцовой письмо, въ которомъ я смѣюсь надъ г-жей де Мену и потѣшаюсь надъ женой министра. Истинное чувство слишкомъ опошилось бы, если бы оно проявлялось по отношенію ко всѣмъ, а языкъ сердца почти всегда становится смѣшенъ при официальныхъ свѣтскихъ прошеніяхъ. Мое сердце нашло себѣ мѣсто, моему уму всегда будетъ тѣсно. Въ самомъ послѣднемъ своемъ письмѣ я кажется говорилъ тебѣ о древней лампѣ, предназначенной для маде-

муазель Елизаветы. Я передумалъ и прошу тебя оставить ее.—Мадемуазель Аннетъ получить ту, которая была ей обѣщана, потому что у меня ихъ двѣ: одна—историческая, а другая просто старинная.—Знаешь ли ты, что я больше не одинъ въ своей комнатѣ; что у меня есть существо, которое постоянно смотритъ мнѣ въ глаза, старается угадать мои мысли и исполняетъ малѣйшія мои желанія,—которое очень интересуется моими книгами и готово было бы съ утра до ночи заниматься ими, если бы не мой хозяйскій глазъ. Это всегда вѣрный, всегда чистосердечный другъ, который любитъ меня одного и чья душа, если можно вѣрить въ переселеніе душъ, жила прежде въ рѣкѣ знаменитаго *персидскаго* поэта *Сиди*.—Скажи же мнѣ хоть одно слово о табакѣ, получилъ ты его, или нѣтъ. Эта статья меня живо интересуетъ. Я кончилъ сочиненіе *Виллера*, но прочиталъ его два раза. Найдется немного книгъ съ такимъ любопытнымъ содержаніемъ. Много краснорѣчія, а въ основѣ правда, много душевнаго огня и сильное желаніе быть справедливымъ, безпристрастнымъ,—таковы отличительныя черты этого образцоваго произведенія. Въ настоящее время я изучаю „Вліяніе крестовыхъ походовъ“ Герена¹⁾. Эта книга служить дополненіемъ первой, такъ какъ одни и тѣ же событія являются содержаніемъ обѣихъ. Между прочимъ *Маріотти* написалъ Гагарину, жалуется на Италинскаго по извѣстному тебѣ дѣлу. Онъ хочетъ протестовать и даже лично отправиться въ Петербургъ, что было бы недопустимо. Я вызвался по этому случаю, и сказалъ Италинскому, что ты зналъ объ этомъ дѣлѣ и что не замедлилъ *частнымъ образомъ* написать объ этомъ князю *Иль*. Во всякомъ случаѣ *здѣсь* дѣло не приметъ ни официальнаго, ни плохого оборота; Гагаринъ готовъ любезно услужить, а Италинскій кончитъ тѣмъ, что самъ напишетъ Николаю, чтобы тайно предупредить его объ ожидающихъ его неприяностяхъ, если онъ не захочетъ подчиниться справедливымъ требованіямъ *Маріотти*.—Не безпокойся о судьбѣ моего письма у *золотою крана*, я надѣюсь поправить это дѣло. Сдѣлай одолженіе, пришли мнѣ книги и пропускъ, ты долженъ знать для кого. Говорятъ, что *Бенкендорфъ*, министръ, окончательно сошелъ съ ума. Вотъ новое свободное мѣсто!

Прощай, дорогой и милый Рафаэль. Передай мои привѣтствія очаровательнымъ дѣвицамъ, которыхъ я съ каждымъ днемъ люблю все сильнѣе. Я предполагаю на одинъ день уѣхать въ деревню недалеко отъ Рима. Я буду жить воспоминаніями; посѣщу мѣста, гдѣ мы бро-

¹⁾ Нѣмецкій историкъ 1760—1842.

дили съ кузиной и прелестной Пери и можетъ быть буду переживать тѣ же ощущенія, которыя мы испытывали тамъ... когда то!

Совѣтую тебѣ заимствовать форму моихъ посылокъ и давать подобныя условныя имена лицамъ, о которыхъ намъ такъ часто приходится говорить въ нашихъ письмахъ. При этомъ письмѣ я прилагаю тебѣ образецъ.

Посылаю свою визитную карточку для мадемуазель Аннетъ, ихъ только сегодня принесли мнѣ изъ печатни—по этому случаю я сразу иду въ гости ко многимъ. чего я не хотѣлъ дѣлать безъ карточекъ.

3 Сентября.

Предвидя¹⁾ на завтра много занятій, я начинаю свое письмо сегодня вечеромъ, дорогой мой другъ. Но что же я могу тебѣ сказать? Ваши многочисленныя и шумныя удовольствія отнимаютъ у меня всякую охоту говорить о нашемъ однообразномъ существованіи, превосходящемъ всякое вѣроятіе. Подобное времяпрепровожденіе не можетъ назваться праведнымъ, главная причина этого—общество, потому что въ Римѣ нѣтъ ни одной дѣйствительно любезной личности, и повседневные разговоры вращаются только вокругъ глупостей. Наконецъ, я никогда не видалъ большей политической, литературной и общественной среды, чѣмъ та, среди которой я нахожусь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Если съ одной стороны ты добился желательнаго успѣха у Д..., то и я добился многого у своего банкира, и, сознаюсь тебѣ, никогда въ жизни я лучше не сыгралъ своей роли. Онъ далъ мнѣ займы 3,500 франковъ. Эта сумма прекрасно меня устроила и дала мнѣ внутреннее удовлетвореніе, такъ необходимое во время бездѣйствія и покоя. Вотъ письмо, которое написалъ мнѣ Демидовъ. Есть мѣста, касающіяся тебя, которыя покажутъ тебѣ, что твои дѣла принимаютъ хорошій оборотъ. Мой отвѣтъ приложенъ здѣсь. Передай его по назначенію. Онъ серьезно говорилъ мнѣ о твоей предполагаемой любви къ Аннетъ. Такъ постарайся поправить дѣло и дать другое направленіе этой болтовнѣ, потому что тебѣ суждено жить всегда съ одними и тѣми же людьми, и если ты объяснишься съ Аннетъ, тебѣ придется или рѣзко измѣнить свое поведеніе, что всегда плохо,—или *стать законнымъ ухаживателемъ*. Ты правъ, полагая, что время выясняетъ все, но зачѣмъ же полагаться на будущее, когда настоящее

¹⁾ Писано симпатическими чернилами.

даетъ такіе хорошіе способы прійти къ тѣмъ же результатамъ!—Что Аннетъ прелестна, что у нея золотое сердце и серьезный умъ—это неоспоримо, но она не знаетъ жизни и безъ малѣйшаго расчета ѳтдается тому, кто ее увлечетъ. Съ другой стороны, ея тетка, желая соблюсти приличія или же дать другую окраску твоимъ частымъ посѣщеніямъ, въ которыхъ она не видитъ ничего дурного, убѣждаетъ общество въ томъ, что это чистая дружба и что вы слишкомъ молоды для того, чтобы ваша привязанность могла имѣть существенныя послѣдствія.—По моему мнѣнію, это самое ложное положеніе и нужно выйти изъ него какъ можно скорѣе.—Г-жа де Мену необычайно глупа для Французенки. Съ самаго ея появленія на водахъ въ Луккѣ ей многого не хватало, а теперь ей остается только переходить отъ одной глупости къ другой. Я въ восторгѣ отъ предположеній г-жи Бомбель, полныхъ такой увѣренности.—Видишь, какъ мы хорошо уладили наши дѣла съ Д...? Развѣ не стоило поднять цѣну и быть хозяиномъ у себя дома, чѣмъ жить въ чужомъ домѣ и быть рабомъ послѣдняго изъ рабовъ?—Напишите мнѣ пожалуйста, получили ли вы два пакета табаку?—Изъ Лозанны нѣтъ извѣстій, и Пери не исполняетъ своихъ обѣщаній. Я здоровъ и опасенія мои разсѣялись. Вотъ такъ задача.

Тысячу привѣтствій мадемуазель Аннетъ.—Скажите ей, что ея записка доставила мнѣ большое удовольствіе, но что я удивляюсь, какъ она умудрилась надѣть себѣ на палецъ мое кольцо? что луна навела меня на *тѣ же мысли* и растрогала меня.

Мой самый сердечный привѣтъ г-жѣ Лотцъ. Вѣдь она же знаетъ, что греческія дѣла идутъ удивительно хорошо? Она—сама любезность, но мое самолюбіе, не знающее пощады, отказывается вѣрить всеѣмъ тѣмъ учтивостямъ, о которыхъ она говоритъ въ *своемъ письмѣ*.

Скажите пожалуйста мадемуазель Елизаветѣ, что я предназначаю ей прелестную маленькую лампу. Кабинетная вещь, достойная украсить ея хорошенькій столъ во Флоренціи. Это одна изъ тѣхъ лампъ, которыя зажигались во времена Августа, и на которой стоитъ имя племянника и пріемнаго сына этого императора.

Здѣсь все очень недовольны *папой*.

27 Августа.

По системѣ обожаемой Пери.

Я получилъ твои два длинныя и милыя письма, одно отъ 21-го, другое отъ 23 Августа. №№ 3 и 4.

Вотъ мой отвѣтъ. Я боленъ и въ то же время великолѣпно себя чувствую. „Оно хорошо-то, а не хорошо-то!“ т. е. что есть очень дурные признаки. Мой врачъ, очень знающій человѣкъ, уже поставилъ мнѣ нарывной пластырь на руку, которой я пишу тебѣ, между прочимъ, не зная самъ, нужно ли еще лѣчить меня отъ дурной болѣзни.— Первый вопросъ будетъ о *Пери*. Она прислала мнѣ прелестное письмо, въ которомъ я вовсе не замѣтилъ той грусти, причину которой ты, вѣроятно, угадываешь. Этотъ предметъ слишкомъ живо интересуеть меня, для того, чтобы я могъ удержаться и не попросить тебя помочь мнѣ разобраться въ догадкахъ? Въ Лозаннѣ развлекаются, а отъѣздъ Кулеваева, очевидно, безповоротнo рѣшенъ. Пери отъ этого страдаетъ, потому что онъ высказывалъ ей знаки дружбы и былъ единственнымъ человѣкомъ, который хотѣлъ съ своей стороны все уладить. Какъ тяжело видѣть, что въ самыхъ тѣсныхъ кружкахъ имѣеть мѣсто духъ партійности и распрей. Вотъ что, я думаю, печалить доброе персидское божество? Получи мое полное согласіе на предметъ моего письма къ г-жѣ де Мену. Конечно лучше, чтобы думали, что она на меня сердилась, а не я на нее, но не будемъ больше говорить объ этомъ въ нашей перепискѣ. Обдуманное кокетство вещь предосудительная для женщины; оно соблазняетъ неопытныхъ людей и глупцовъ. Кромѣ того, въ мои расчеты не входитъ ухаживать ни на свой счетъ, ни на счетъ другихъ. Въ этомъ отношеніи я ученикъ Платона.

Въ любви есть извѣстная прелесть, которая не зависитъ ни отъ чего земного, и чтобы сильно любить, нужно, чтобы душа не зависѣла отъ тѣла. Я не удивляюсь твоему разговору съ двумя дамами; Голландка— большая хохотунья, г-жа Б. не менѣе любезна. Чтобы какъ слѣдуетъ судить объ умѣ и его пріятности, нужно имѣть образецъ этой пріятности среди женщинъ, и имѣть этотъ образецъ не въ нашемъ воображеніи, но въ дѣйствительности. Ахъ, сколько разъ мы одѣвали и раздѣвали парижаночку и бросали преступные взоры на ея маленькую фигурку. Ухаживай за г-жей Б., чтобы уничтожить сплетни относительно мадемуазель А., и не обманывайся на счетъ ея тетки, которая, и въ этомъ увѣренъ, слишкомъ сочувствуетъ ухаживаніямъ за ея племянницей. Будь вполне чистосердечнымъ съ г-жей Дотцъ; она не

злоупотребить твоимъ довѣріемъ, и ея душа, полная огня и добродѣтели, раскрывается лишь для разговоровъ, вполне чуждыхъ тѣмъ, которые хорошо устраиваются на этомъ свѣтѣ. Вообще не избѣгай общества, которое является школой для насъ и забавляй его, какъ ловкій менестрель, играя на всѣхъ струнахъ своей лиры, никогда не касаясь тѣхъ, которые выражаютъ состояніе твоей души. Пусть болтливая графиня думаетъ, что я увлеченъ ея чарами, въ будущемъ я рассчитываю извлечь изъ этого пользу; если хочешь, даже содѣйствуй, но только ловко, такому мнѣнію обо мнѣ, которое, въ сущности, не пойдеть дальше болтовни, потому что я когда либо и гдѣ либо сумѣю его использовать. Демидовъ сумасшедшій! Онъ хорошо знаетъ людей только тогда, когда они имѣютъ дѣло съ его кошелькомъ, и онъ хорошо поступаетъ, угадывая ихъ такъ. Знаешь ли ты, что однажды онъ признался мнѣ, что онъ намѣревался жениться на кузинѣ изъ Лазанны, а черезъ минуту—что ему стоитъ только захотѣть, и завтра же его сдѣлають... *кардиналомъ!* Пусть же планы послужатъ тебѣ примѣромъ для бесѣдъ съ этимъ человѣкомъ, который заслуживаетъ того, чтобы изучать его характеръ и странныя правила. Увы, я не предвидѣлъ другихъ средствъ кромѣ *просьбы*, къ тому же—*непосредственной*; но къ ней нужны *притовленія*: именно: рѣчи, постоянно касающіяся печальнаго положенія нашей семьи; откровенный разговоръ о нашихъ домашнихъ дѣлахъ, безъ малѣйшей утайки, такъ какъ этаго человѣка страннымъ образомъ раздражаетъ всякая *хитрость*, а такъ какъ онъ считаетъ, что міръ существуетъ только для того, чтобы его обманывать, онъ умѣетъ вывертываться самыми ловкими рѣчами. Вслѣдствіе политическихъ условій, Н. не въ состояніи ничего сдѣлать въ настоящую минуту, такимъ образомъ, самый дѣйствительный способъ—косвенные намеки—сводится на нѣтъ. Мое настроеніе духа съ каждымъ днемъ падаетъ, я постоянно одинъ и это уединеніе, вмѣстѣ съ воспоминаніями, внушаетъ мнѣ отвращеніе къ настоящему—дѣдаетъ мою жизнь въ тягость. Ничего не бойся относительно Ит., оставайся въ Луккѣ сколько тебѣ захочется и предоставь мнѣ заботиться и думать о твоихъ благахъ въ Римѣ, гдѣ по большей части все спитъ въ объятіяхъ косности.—Гагаринъ ухаживаетъ за мной, но я ни на волосъ не измѣню своего поведенія по отношенію къ этому человѣку, рабу своихъ нервовъ. Жена Сверчкова, вопреки всякому вѣроятію, шлетъ очень благопріятныя вѣсти, относительно своего мужа, который ѣдетъ на зиму въ Пизу. Касс. мягко стелеть, и увѣряетъ меня, что я въ лучшемъ положеніи у Ит. У очень умныхъ людей хитрость любопытна, она смѣшна у маленькихъ людей. Узы, все крѣпче и крѣпче связывающія тебя съ почтеннымъ домомъ Бутур-

линыхъ, доставляютъ мнѣ большое удовольствіе, потому что мнѣ не нужно напоминать тебѣ, какой огромной поддержкой будетъ для тебя эта семья въ странѣ, гдѣ тебѣ суждено прожить нѣсколько лѣтъ. Какъ только тебя узнаютъ, ты будешь въ домѣ своимъ человѣкомъ, и эта увѣренность успокаиваетъ меня на твой счетъ.—Затѣмъ—порученія, которыя я откладываю на завтра.

29-го. Мнѣ лучше и мои опасенія разсѣялись. Это нарывъ помѣшалъ мнѣ писать тебѣ двѣ почты подрядъ; ибо я твердо рѣшилъ, постоянно извѣщать тебя о себѣ.--Я кончилъ воспоминанія кардинала де Ретцъ, и прочитавши рѣчь Платона о безсмертіи души, началъ сочиненіе Villers о реформациі. Дѣйствительно чудная вещь—занятія! Пожалуйста, скажи мадемуазель Аннетъ, что воспоминаніе о ней преслѣдуетъ меня, какъ тѣнь, и что луна постоянно освѣщаетъ мою комнату. Я предназначаю ей прелестную древнюю лампу изъ терракоты, которую она зажжетъ *на свои именины*. Хорошенько поблагодари мадемуазель Лотцъ за память и скажи ей, что я занимаюсь краткимъ извлеченіемъ изъ Данте, которое въ одинъ прекрасный день попрошу ее принять. Ты передашь мое нижайшее почтеніе графинѣ Воронцовой, а также и г-жѣ Бомбелль. Купанья представляются въ моемъ воображеніи земнымъ раемъ, землей обѣтованной.—Это третья часть, Данте, а Римъ, это первая.—Кстати. Поручаю тебѣ передать графинѣ Бутурлиной, что я у ея ногъ. Ты сумѣешь разказать ей, до какой степени я былъ огорченъ тѣмъ, что не попалъ въ Ливорно, что не было никакой возможности удовлетворить мои задушевные желанія. Напиши мнѣ о бѣдномъ Брунsvикѣ. Напомни, кому слѣдуетъ, о письмѣ де Мэстра и развлекайся погоней за почеркомъ Шатобріана, который Пери прислала мнѣ изъ Лозанны. Чудная Пери! Еще разъ, не забудь объяснить мнѣ причины!—Боюсь, что все сказанное обо мнѣ Демидовымъ, было издѣвательствомъ:—итакъ, двигай мои дѣла.

Цѣлую Дарлингга.

6 Октября.

„Любезный другъ, я здоровъ, но сердце тоскуетъ среди развалинъ и подъ жаркимъ небомъ Италіи. Я даже ни на одну минуту не ласкаю себя надеждой съѣздить снова во Флоренцію. Моя скука обременительна, скука другихъ завистлива; и потому наслаждайся обществомъ, живи для себя и для тѣхъ, кто тебя любитъ—моя очередь впереди. Твое разсужденіе о послѣднемъ сочиненіи гр. Мэстра, справедливо, и

мнѣ весьма нравится. Перечту Ночное Странствованіе и посмотрю, сходны ли мои мысли съ твоими. Между тѣмъ не худо было бы прислать мнѣ мои книги: т. е. Аксилона и карту.—Спасибо Демидову. Что ему стоитъ прислать мнѣ сто піастровъ. Я бы не помедлилъ минутой, поѣхалъ бы странствовать по ближайшимъ окрестностямъ Рима?—Нельзя ли внушить ему сію мысль благую?—Пери, милая Пери не пишетъ! А мысли мои все странствуютъ по высотамъ горъ Персидскихъ.—Воображаю, что я новый плѣнникъ... слѣдуетъ кумысъ и проч. и проч. при случаѣ письмо отъ Gohier. Умничаетъ безъ ума, пишетъ безъ правописанія!“ Я въ восторгѣ отъ извѣстій, которыя ты шлешь мнѣ о мадемуазель Аннетъ, лишь бы только ея женихъ былъ хорошимъ и богатымъ человѣкомъ,—въ остальномъ у его жены не будетъ недостатка. Скажи ей это отъ меня, если у тебя хватитъ смѣлости. Нужно, чтобы все, что окружаетъ тебя въ эту минуту, было на самомъ дѣлѣ хорошо, умно и почтительно, потому что наши мысли сталкиваются со всѣми людьми и предметами. Дай Богъ, чтобы это всегда было такъ. Папа очень боленъ, врядъ ли встанетъ онъ съ постели. Г-жа Хитрово имѣетъ видъ сѣраго жидовскаго торгаша, который ѣздитъ по всѣмъ ярмаркамъ, чтобы за хорошую цѣну продать свой товаръ, который заключается въ двухъ очаровательныхъ дочеряхъ.—Жена опасная притворница! Такъ ли прелестна мадемуазель Генриетта, какъ ты говоришь? Удостоверь меня въ полученіи табаку, № 4 и 5?

Прощай.

Ты еще долго напрасно будешь мечтать о свиданіи со мной во Флоренціи, дорогой мой Рафаэль. Никакой отъѣздъ невозможенъ для меня, особенно теперь, когда Коссаковский ѣдетъ въ Неаполь, а Гагаринъ опять въ Сіенну, чтобы окончательно уладить тамъ свои дѣла въ Коллегии. Мнѣ доступны единственно только загородныя прогулки въ окрестностяхъ Рима.

Меня только что сдѣлали *пастыремъ Академіи*, т. е. членомъ литературной Академіи. Вступая въ члены, тебѣ даютъ имя пастуха, которое сохраняется на все время, пока ты остаешься въ этой академіи; мое имя—Эдоръ де Ланакль. Теперь прошу тебя, впредь называй меня въ письмахъ этимъ именемъ.—Ты, конечно, будешь въ довольно близкихъ отношеніяхъ съ молодымъ французскимъ поэтомъ: нельзя ли со временемъ пригласить его участвовать въ моемъ сборникѣ автографовъ и дать мнѣ нѣсколько подписей знаменитыхъ мужей Франціи, съ которыми онъ, конечно, не разъ сталкивался.—Если ты увидишь г-на

Кіанджи, поблагодари его за посылку. У меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія вступать съ нимъ въ переписку, тѣмъ болѣе, что старикъ нисколько не интересуется его особой, а Кіампи, наоборотъ, всячески ищетъ случая поговорить со мною о своихъ дѣлахъ, вмѣшиваться въ которыя я не имѣю ни малѣйшей охоты. Узнай, пожалуйста, получилъ ли Піатити 5-ый томъ Аксиліона?—Нельзя ли написать въ Ст.-Петербургъ и попросить прислать намъ путешествіе въ Китай Тимковскаго, великолѣпное сочиненіе, переведенное на многіе языки; Италинскій только что получилъ его.—Цѣлую тебя.

Твое письмо и приложенія къ нему пришли ко мнѣ во время, но, ради Бога, объясни мнѣ, какимъ образомъ письмо, адресованное въ Богодуховъ въ Февралѣ мѣсяцѣ, которое я послалъ тебѣ въ надеждѣ, что ты отправишь его по назначенію, пришло ко мнѣ обратно въ Римъ. Это письмо отъ бѣднаго русскаго ветерана, оно священно, потому что оно было передано и ввѣрено мнѣ несчастнымъ молодымъ человѣкомъ, который нѣсколько лѣтъ не получалъ извѣстій отъ своихъ родителей и вполнѣ надѣется получить ихъ при моемъ посредничествѣ. Что же теперь дѣлать съ этимъ письмомъ? Я думаю, лучше всего будетъ передать его Бутурлину, который дастъ ему ходъ, будучи заинтересованъ въ этомъ несчастномъ дѣлѣ наравнѣ со мной. Извѣстія изъ Москвы, хотя и очень давнія, доставили мнѣ удовольствіе; но что за жизненная пустота въ нашемъ семейномъ склепѣ, и я начинаю думать, что въ нравственномъ отношеніи иногда бываетъ нужно перемѣнить семью, какъ нужно бываетъ перемѣнить климатъ въ физическомъ отношеніи. Твои распоряженія мнѣ нравятся, и я постараюсь каждыя двѣ недѣли давать о нихъ свѣдѣнія; такимъ образомъ, всѣ письма, которыя я буду получать изъ Флоренціи, будутъ вкратцѣ изложены въ тѣхъ, которыя я буду посылать изъ Рима, и я нисколько не сомнѣваюсь, что такой способъ переписки доставитъ большое удовольствіе въ Москвѣ, гдѣ всѣмъ уже пора собраться подъ одной кровлей. Я недавно прочиталъ въ энциклопедическомъ обзорѣннн, въ августовской книжкѣ, замѣтку этого журнала о произведеніяхъ нашего стпа. Его называютъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ. Его стихотворенія, сказано тамъ, дышатъ любовью къ родинѣ и къ правдѣ. Прекрасная похвала, выраженная въ столь немногихъ словахъ!... а когда же мы приступимъ къ новому изданію произведеній отца! Эта статья будетъ одной изъ главныхъ въ моей перепискѣ съ Петраркой, который упоминаетъ о Дмитріевѣ и его рѣчи. Та ли это самая, которую онъ задумалъ годъ тому назадъ и которую ему поручило

московское литературное общество? Въ письмѣ Гильфердина добрыя вѣсти, если только онѣ достовѣрны, но увы! подобнаго рода измѣненія совершаются съ трудомъ.—Я повѣрю въ свою судьбу, вѣря въ судьбу Дашкова, это человѣкъ, полный знанія и достоинства.—Вернемся къ Флоренціи. Повидимому, Англичане сдѣлались хозяевами гостинныхъ. Охота была бы потеряннымъ трудомъ, надо удалиться, принявъ подобающій этому обстоятельству видъ, принудить Аннетъ вернуться назадъ. Гр. В.... сплетница и кумушка, она изо всѣхъ силъ ищетъ жениха своей племянницѣ и бросается на перваго встрѣчнаго, хорошъ ли онъ или плохъ, если только у него есть состояніе. Г-жа Лотцъ слишкомъ любить свою ученицу, чтобы не страдать отъ такого положенія вещей, она вѣритъ, что Аннетъ, получившая прекрасное воспитаніе, не утратитъ его въ объятіяхъ перваго встрѣчнаго, куда она попадетъ изъ за нетерпѣнія своей тетки. Передай ей мои привѣтствія и скажи ей, что нужно имѣть столько же мужества, чтобы бороться съ обстоятельствами, сколько проникательности для того, чтобы разбираться въ нихъ. Ты говоришь о полной благосклонности золотого крана и просишь моего вмѣшательства въ твои дѣла. О Боже! если бы я могъ оказать тебѣ столь же большія услуги, сколь велики мои пожеланія! Все было бы хорошо. Я все таки не забуду время отъ времени, и кстати, говорить съ нимъ о твоихъ финансахъ и надѣюсь попасть... на попутный вѣтеръ. Вчера я получилъ письмо отъ Кузины. Вотъ оно.—Но Пери, Пери ничего мнѣ не пишетъ!.. Что будешь дѣлать!—Кстати, скажи, пожалуйста, Бутурлиной-матери, что я получилъ отъ Пинелли три рисунка, заказанные мнѣ ея сыномъ, которые стоятъ ему 15 (сен.); что я прошу ее прислать мнѣ деньги и передать рисунки, которые нужно отправить въ Россію. Она получить свертокъ при первомъ удобномъ случаѣ. Это важное порученіе.—Гагаринъ проситъ тебя объ одолженіи—передать ему съ австрійскимъ гонцомъ пакетъ, который будетъ присланъ изъ Милана по его адресу. Что касается скульптора, которому я заказалъ бюстъ императора и который писалъ мнѣ по этому поводу, ты будешь такъ любезенъ, что объяснишь ему, что *все* поручено Гуерали. Прощай, здоровье мое недурно, но я продолжаю принимать лѣкарство. Кланяйся всѣмъ, а я тебя цѣлую. Папѣ лучше.

27 Сент.

Можешь представить себѣ, дорогой мой другъ, какъ я былъ радъ, получивъ твою посылку, гдѣ были вложены два предестныя письма отъ Пери, вмѣстѣ съ маленькимъ ящичкомъ, въ которомъ находились два шнурка ея работы. Въ самомъ дѣлѣ, нужно имѣть ея прекрасную

душу, чтобы находить удовольствіе въ такихъ нѣжныхъ выраженіяхъ дружбы и памяти, и ты не можешь себѣ представить, до какой степени я ей признателенъ. Сдѣлай мнѣ одолженіе, какъ можно скорѣе перешли мнѣ мои книги. Ламартина я получилъ отъ Кассандры, путешествіе вокругъ своей комнаты—отъ моей Пери. Кулеваевъ въ Парижѣ, и мечтаетъ только о спектакляхъ. Богъ знаетъ, когда онъ отправится въ Россію, а пока я благодарю тебя за *твои извѣстія*. Я получилъ отъ Демидова письмо, въ которомъ онъ говоритъ мнѣ объ одномъ Англичанинѣ, богатомъ и красивомъ, который ухаживаетъ за Аннетъ. Скажешь ли ты мнѣ, въ чемъ дѣло, и можетъ ли это дѣло принять брачный оборотъ? Сегодня утромъ я ему отвѣчу, попрошу у него книгу. Мы до сихъ поръ живемъ въ полнѣйшемъ спокойствіи; а перемѣны, которыя мы предвидимъ издалека, пока еще не вліяютъ на обычный ходъ вещей.—Я никогда не былъ въ лучшихъ отношеніяхъ со всѣми этими господами, особенно съ Г..., который имѣетъ видъ побѣжденнаго. Вотъ письмо, только что полученное мною отъ Свѣчины, очень любопытное письмо по уму и живости мыслей.—Возврати мнѣ его поскорѣе, потому что мнѣ нужно на него отвѣтить. Я во время получилъ чекъ и не замедлю поблагодарить Василевскаго, любезность котораго, дѣйствительно, превзошла всѣ мои ожиданія, но скажи мнѣ, пожалуйста, какъ его зовутъ?—Если ты будешь ему писать, сдѣлай мнѣ удовольствіе, передай ему, чтобы онъ прислалъ 50 рублей нянѣ Катеринѣ за сентябрьскую треть, на адресъ сестры, которую я въ началѣ мѣсяца предупреджу о посылкѣ. Въ настоящее время я могу прибавить къ этому еще 25 рублей, которые я предназначаю бѣдному *Терентьевичу*, что въ общемъ составитъ 75 рублей. Мнѣ ничего не говорятъ о твоихъ дѣлахъ съ краномъ. Представился ли тебѣ случай почувствовать удовлетвореніе по случаю его возвращенія во Флоренцію?... а Нар.... все еще въ домѣ, а его кредитъ всплылъ ли на поверхность послѣ знаменитой бури въ Н.? Эти сплетни мнѣ любопытны въ связи съ моими отношеніями къ Д..., съ которымъ, какъ мнѣ кажется, и опять какъ нельзя лучше. Что дѣлать, дорогой другъ? Нужно изучать обстоятельства, и лучше сдѣлать обходъ, чѣмъ разбить голову объ стѣну, которая не сдвинется съ мѣста. Бумага Бугурлиной совсѣмъ готова, но на почтѣ съ меня спросили 3 экю, чтобы она дошла по назначенію, такъ что я подыскивалъ удобный случай. вмѣсто того, чтобы тратить такую крупную сумму на посылку, которая стоитъ только десять п.... Объясни все это милой дамѣ. Елизавета прелестна, но я ничего къ ней не чувствую и не женюсь на ней, если мнѣ даже это предложить.... Посмотрите, пожалуйста, получилъ ли книготорговецъ пятый томъ Аксиліона, и нѣтъ

ли у него *Кювье*, Рѣчи объ измѣненіяхъ земного шара,—въ такомъ случаѣ можно *попросить* Демидова немедленно купить ихъ во Флоренціи, вмѣсто того, чтобы выписывать изъ Паркуса. Похлопочи объ этомъ полученіи, которое очень близко меня касается, а особенно посылка книгъ въ Лозанну. Прощай. Поблагодари отъ меня Голицыныхъ за ихъ любезность по пересылкѣ моего пакета и спроси ихъ, нѣтъ ли у нихъ порученій ко мнѣ.

Я получилъ письмо, написанное рукой твоего лакея, и рѣшилъ, что отправка гонца привела тебя къ такому странному способу пересылки. Я только что написалъ въ Парижъ, прошу распоряженій о многихъ посылкахъ, но до сихъ поръ я не имѣлъ никакихъ извѣстій отъ Пери, молчаніе, которое очень огорчаетъ меня. Д... предлагаетъ мнѣ жениться на Англичанкѣ, богатой наслѣдницѣ, и я рѣшительно отвѣтилъ ему на этотъ такъ близко меня касающійся, вопросъ,—сказавъ, что, проведя лучшую часть своей жизни въ бѣдности, я ужъ достаточно привыкъ къ ней, чтобы отказаться отъ *любого брака по расчету*. Онъ предложилъ мнѣ уѣхать въ Россію и принимаетъ денежныя затрудненія по путешествію. Я съ благодарностью принялъ бы это предложеніе, если бы не боялся, что онъ захочетъ снабдить меня множествомъ контрабанды, которую мнѣ будетъ очень трудно провести на родину. Вчера я обѣдалъ съ тремя французскими послами, *Блака, Лаваль и Латуръ*. Сегодня поѣду смотрѣть Альбано, Фраскади, Тиволи, *Тускулумъ*, а можетъ быть *Палестрино*. Погода великолѣпная, можно подумать, что Іюнь мѣсяць; почти слишкомъ жарко.—Вотъ, милый мой другъ, маленькая просьба секретаря французскаго посольства, онъ проситъ у меня книгъ. Нужно сдѣлать одолженіе товарищу. Посмотрите, пожалуйста, есть ли эта книга у *Патти*? Прощай, я здоровъ и прошу тебя, береги свое здоровье.

6 Ноября 1825 года.

Гонецъ пріѣхалъ, мои занятія, на этотъ разъ многочисленныя, подходятъ къ концу. Я спѣшу на досугъ подробно отвѣтить тебѣ на послѣднее письмо № 19: оно опять говоритъ мнѣ о твоёмъ недоразумѣніи съ Б.....ми, и я въ качествѣ ловкаго дипломата нахожу, что тебѣ остается только постараться сблизиться съ гр. *Анной*, хоть бы въ ущербъ твоему самолюбію; потому что я считаю невозможнымъ бороться съ двумя женщинами, съ которыми ты постоянно встрѣчаешься. Было время, когда я точно также поссорился съ гр. Б, женщиной съ невыносимымъ характеромъ, что признано всѣми. Мы дошли до фор-

мальнаго разрыва, одинъ разъ я даже дерзко обошелся съ нею. Но затѣмъ я настолько сблизился съ гр. Анной, что говорилъ ей все, что мнѣ приходило въ голову, и наконецъ сталъ ей жаловаться на поведеніе ея сестры. Тогда то я и открылъ, что ее совсѣмъ не любятъ въ семьѣ: это открытіе развязало мнѣ руки.—Повѣрь мнѣ, что гр. Анна прекрасный человѣкъ. Единственный способъ ее покорить—это усердно ухаживать за ней и держаться съ ней просто и откровенно.—Что касается Барру—какое странное имя!—то мнѣ кажется, что съ нимъ необходимо обращаться наравнѣ съ другими, разъ онъ на положеніи жениха въ домѣ; тѣмъ болѣе, что люди, не видѣвшіе, какъ онъ ходитъ по пятамъ за мадемуазель Аннетъ, дѣйствительно могутъ подумать, что въ твои отношенія къ Англичанину примѣшивается досада. Итакъ, нужно *доказать* обществу, что предположенія этиложны или лишены основанія. Быть въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми—этому правилу необходимо слѣдовать. Потому что въ сущности, что изъ того, женится этотъ Англичанинъ на Аннетъ или не женится, глупъ онъ или уменъ, скученъ или забавенъ? Что тебѣ выгоднѣе, отвѣчать грубостью или *совершенно не замѣчать* его? Какъ вести себя въ домѣ, гдѣ его хорошо принимаютъ, гдѣ тебѣ *нѣкоторымъ образомъ* приходится играть роль своего человѣка и соотечественника и вмѣстѣ со всѣми покровительствовать ему, вмѣсто того, чтобы давать ему почувствовать, что онъ ниже тебя? Великое правило жизни состоитъ въ томъ, чтобы никогда не грубить младшимъ и съ достоинствомъ держать себя передъ старшими. Кромѣ того то положеніе, въ которомъ ты находишься, не можетъ долго продолжаться. Приѣздъ молодой Бутурлиной, которая властно царитъ въ домѣ, сей часъ же измѣнитъ его обликъ: она мой другъ! она вернетъ тебя на то мѣсто, которое ты потерялъ, благодаря сплетнямъ и недоброжелательству. До того дня—терпѣніе, и ради Бога обдумай мои совѣты.

Дорогой другъ, извини меня, потому что я ничего не сказалъ Италинскому, прекрасно видя, что это было не во время и не къ мѣсту. Гонецъ уѣхалъ, а въ Министерствѣ никто ни слова не шепнулъ обо мнѣ, хотя ужъ пора было бы подумать объ этомъ.—Я конечно желаю, чтобы твое представленіе удалось, но сомнѣваюсь въ этомъ. С. рѣдко желаетъ людямъ добра, ты хорошо сдѣлалъ, что написалъ ему, а единственная моя надежда—это вліяніе и довѣріе моего зятя. Но скажи же, чего ты просилъ? Чинъ ли это, котораго ты хотѣлъ, орденъ или придворное званіе, какъ я тебѣ совѣтовалъ?

Д. для насъ истая находка. Онъ только что прислалъ мнѣ сто экю въ отвѣтъ на одну единственную жалобу на мои денежные

обстоятельства, которую я помѣстилъ въ своемъ письмѣ. Вотъ я и развлекусь немножко, посѣтивъ окрестности Рима и особенно новыя раскопки Тиситмана.

Есть нѣсколько вопросовъ, которые я задалъ—тебѣ, дорогой мой Мишель, и на которые я до сихъ поръ не получалъ никакого отвѣта: а именно:

- 1) *Книги Риччи.*
- 2) Почеркъ Ламартина.
- 3) Плата за рисунки Бутурлиныхъ.
- 4) Кончая какимъ номеромъ ты получилъ *табакъ*.

Гагаринъ говорилъ мнѣ о твоёмъ письмѣ, онъ вовсе не навязчивъ но любитъ узнавать все раньше другихъ. Такъ для твоей собственной выгоды было бы хорошо, чтобы ты почаще писалъ ему и сообщалъ ему всѣ новости.—

Пожалуйста скажите Пятти, чтобы онъ перевелъ на римскій книжный магазинъ *Romanio плату* за книгу, которую я прошу у него,—пусть онъ пришлетъ мнѣ также де походѣ Сегюръ и Бутурлина, *Avete capito?* поняли Вы?

Увы, дорогой другъ, все еще никакихъ извѣстій изъ Парижа; и я люблю Пери больше всего на свѣтѣ и бываю до такой степени счастливъ всякій разъ, какъ получаю отъ нея письма, что отсутствіе ихъ причиняетъ мнѣ горе, равное и радости.—Здоровье гр. Шуваловой меня беспокоитъ: она такъ хорошо чувствовала себя въ Римѣ! Ей слѣдовало пріѣхать на зиму въ Италію, а главное въ Римъ, гдѣ мягкость воздуха—лучшее лѣкарство для слабогрудыхъ.—

Не знаю какъ и почему, но объясненіе нашлось только послѣ отъѣзда Мюллера.

Прощай.

1 Ноября 1825 года.

Благодарю тебя, дорогой другъ, за твое письмо. Изъ Лозанны все еще нѣтъ писемъ. Эта непріятность настолько же огорчаетъ меня, насколько извѣстія отъ тебя доставляютъ мнѣ удовольствіе. Планъ моего путешествія въ Россію, который кажется тебѣ такимъ легкимъ, встрѣтитъ непреодолимыя препятствія съ той самой минуты, какъ

придется приступить къ его осуществленію.—Получить отпускъ у Италинскаго вещь совѣмъ невыполнимая, безъ достаточно вѣскихъ причинъ. У Кн. Гагарина, повидимому, тѣ же планы, а какъ же тутъ получить назначеніе гонцомъ въ такое время, совершенно лишенное политическихъ событій?...*былъ одинъ способъ*...но сначала я хочу навѣрное узнать, какую сумму даетъ мнѣ этотъ милый человѣкъ; потому что дѣло заключается не въ томъ, чтобы пріѣхать въ Петербургъ, нужно прожить тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть поѣхать въ Москву (600 р.!) и удовлетворить другія необходимыя потребности.... Это вновь открывающаяся дверь кажется мнѣ очень узкой, но весьма пригодной для того, чтобы помочь моимъ видамъ политическимъ, частнымъ, литературнымъ и *сердечнымъ*. Такъ я тебѣ поручаю или, вѣрнѣе, довѣряю твоему умѣнью узнать, каковы возможности...—потому что это *одна* изъ важнѣйшихъ вещей...Ты очень хорошо сдѣлалъ, что предпочелъ званіе камеръ-юнкера чину, поелику тебѣ никакъ не дали послѣдняго... іерархію нарушать по произволу трудно. Но зачѣмъ ты говорилъ о денежномъ награжденіи?—было бы право на мундиръ!—галуны пришлось бы вѣроятно *даромъ*.—Пугать министерство двумя прошеніями разомъ. Увы! очень неосторожно.—Я ни слова не говорилъ объ этомъ Италинскому, даже и Гагарину; потому что предвидѣлъ, что это можетъ быть имъ непріятно: твой предшественникъ былъ представленъ только самимъ старикомъ, а ему никогда ни въ чемъ не отказываютъ.—

Я могу сильно упрекнуть тебя въ томъ что ты ни слова не сказалъ мнѣ о табакѣ. Получилъ ли ты номера 4 и 5, и два огромныхъ пакета, порученныхъ охотнику Мюллеру?—Вотъ записка секретаря французскаго посольства. Ради Бога, исполни это порученіе. Ты будешь такъ добръ, что заранѣе предупредишь меня объ отъѣздѣ Голицыныхъ и передашь имъ всѣ мои книги, которыя остаются у тебя и у г-жи Б...—Обратись за ними къ милой г-жѣ Лотцъ. Это произведенія Биньонъ и Герена. Я совершенно не знаю рисунка, который мадемуазель Елизавета признаетъ за произведеніе Брюлова. Рисунки *Пинелли* были посланы ей брату съ Мюллеромъ, и я прошу вернуть 15 экю, потому что мои финансы въ ужасномъ состояніи,—а также одинъ піастръ за бумагу. Хилковъ каждое утро приходитъ ко мнѣ и совершенно не даетъ времени сдѣлать ему отвѣтный визитъ. Онъ говоритъ много, хорошо, и на парижскій ладъ; беретъ у меня книги и бродитъ по улицамъ....Блестящая мысль! не можешь ли ты замѣнить меня во время моего отсутствія въ Римѣ, и однимъ ударомъ убить двухъ зайцевъ! Мои комнаты были бы въ твоемъ распоряженіи?—

Увы, дорогой мой другъ, по поводу плохого здоровья Голицыныхъ, я сильно опасаюсь за кузину, потому что Англичане, видѣвшіе ее въ Лозаннѣ, не видятъ ничего хорошаго въ томъ, что тоска съ каждымъ днемъ все сильнѣе овладѣваетъ ея несчастнымъ характеромъ.—У меня два раза былъ въ гостяхъ знаменитый римскій живописецъ *Камуччини*. Онъ обѣщалъ достать мнѣ костюмъ сѣвернаго поэта, для портрета, который я предназначаю моему отцу. Наконецъ то я получилъ столь желательную книгу *Кювье*, но видя ее у меня въ рукахъ, Италійскій такъ плохо скрылъ свою радость, что я съ *удовольствіемъ* уступилъ ее ему.—„Ты, братъ, всеѣмъ кранъ настаиваешь!—везеть!—и слава Богу!—“

Передай мои привѣтствія милой г-жѣ Лотцъ, которую я люблю отъ всей души и всеѣми силами стараюсь помнить о ней (скажи ей это).

Вотъ еще одна важная статья, о которой я говорилъ тебѣ однажды, но мимоходомъ. Я очень хотѣлъ бы просить у Кузины, по совѣту Кулеваева, нельзя ли будетъ получить мнѣ пенсію впередъ за два года, чтобы прійти на помощь моимъ финансамъ? Возможная ли это вещь?—Я боюсь не отказа, но обвиненія въ назойливости.—Успѣхъ подобнаго поступка далъ бы мнѣ возможность настаивать на моей повѣздкѣ въ Россію... а тогда... Да здравствуетъ Императоръ!—

Е. В. принцъ Луккскій, о которомъ ты такъ мало говорилъ мнѣ, при новой встрѣчѣ со мною осыпалъ меня любезностями. Онъ и его свита такъ много говорили о твоей особѣ, что можно было подумать, что это родные.—Нельзя быть лучше Е. К. В. и я тронуть благосклонностью, съ которой онъ обращается со мной. Это письмо, дорогой мой Рафаэль, какъ видишь, содержитъ много статей, требующихъ того, чтобы быть взвѣшенными. Неблагополучные роды и *выкидышъ* ребенка г-жи Дини ничуть меня не удивляютъ. Футляръ слишкомъ малъ въ сравненіи съ драгоцѣнностью! Пусть это минувшее несчастье докажетъ нашимъ дамамъ, что католическій Богъ такъ же строгъ какъ и греческій и что для того, чтобы быть спокойнѣе и счастливѣе не нужно мѣнять вѣроисповѣданія. Старикъ со своей истинно-глубокой ученостью—довелъ меня до совершенно христіанскаго невѣрія! Прощай!

10-го Ноября 1825 года.

А послѣднее письмо Антонины? Слѣлай мнѣ одолженіе, вспомни, вспомни, не видалъ ли ты среди разныхъ багюшкиныхъ бумагъ печатныхъ афишъ *Росточини*?—Пришли мнѣ съ первымъ путешественникомъ книгу Нектаріи Борисовны.—Цѣлую тебя:—

Ледь сломанъ. Дѣло идетъ о моемъ представленіи и мнѣ очень хочется быть камеръ-юнкеромъ. Что ты объ этомъ думаешь, дорогой другъ Мишель? Думаешь ли ты, что это можно сдѣлать, если Италинскій, которому ни въ чемъ не отказываютъ, захочетъ попросить объ этомъ? Теперь, больше чѣмъ когда либо, мнѣ хотѣлось бы узнать, къ чему тебя представилъ зить, чтобы знать, не просимъ ли мы одного и того же. Мнѣ кажется, что къ тебѣ онъ тоже очень расположенъ, но что все вниманіе направлено на денежную награду. Постарайтесь выяснить дѣло со Сверчковымъ, а пока я займусь здѣсь, потому что ты знаешь, какъ тебѣ было бы выгодно, если бы сей послѣдній и нашъ добрый старикъ просили для тебя одного и того же?—А пока вотъ письмо Демидова, съ совершенно неожиданнымъ заключеніемъ. Оно вполне въ его духѣ, и я прошу тебя не разглашать ничего, изъ того, что тамъ написано, чтобы не разрушить такъ хорошо наладившійся порядокъ вещей. Изложеніе всего этого требуетъ большой осторожности. Почти рѣшено, что скоро мы отправимъ гонца въ Петербургъ; но окончательно обдумавъ поѣздку, на которую ты смотришь съ самой лучшей точки зрѣнія, я рѣшилъ не уѣзжать изъ Рима. Эта поѣздка вызоветъ слишкомъ большія затрудненія и внесетъ безпорядокъ въ мои денежные дѣла, которыя и такъ въ плохомъ состояніи. Нужно быть благо-разумнымъ. Итакъ, я оставляю поле сраженіе Коссаковскому или Гернасси, которымъ, кажется, хочется поѣхать въ Россію.—Счастливаго пути!—

Предестное письмо отъ Пери, съ помѣткою „Парижъ“ въ первый день пріѣзда въ этотъ городъ, сдѣлало меня совсѣмъ счастливымъ. Она пишетъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ своихъ первыхъ впечатлѣній при пріѣздѣ, и даетъ удовлетворительныя извѣстія о здоровьи кухни. Между прочимъ, она пишетъ, что г-жа де Комонъ говорила имъ, что я причисленъ къ Посольству въ Парижъ. Богъ знаетъ, откуда эта дама взяла эту неписанную сплетню, потому что она узнала это изъ одного письма, присланнаго изъ Рима,—кто же могъ прислать ей такое письмо изъ Рима, гдѣ я, конечно, первый узналъ бы объ этомъ? Это какая нибудь ошибка, источникъ которой—мое письмо къ Свѣчиной. Строгановъ въ Римѣ. Онъ имѣетъ видъ дипломатической куклы. Лѣнь въ фигурѣ! лѣнь въ мысляхъ! ничтожество въ характерѣ! Онъ пришелъ ко мнѣ на другой день своего пріѣзда, но его бесѣда до того безсодержательна, что мнѣ было очень не по себѣ все время, пока онъ оставался у меня въ комнатѣ. Я не зналъ, что сказать.—Мнѣ кажется, что его здоровье очень плохо. Время отъ времени я буду проводить вечера у г-жи де Сентъ-Олэръ. Ея мужъ какъ то разъ

вкратцѣ рассказывалъ намъ о дуэли Сегюра и Гурганъ. Онъ былъ секундантомъ перваго. Прощай. До слѣдующей почты. Мое здоровье превосходно.

15-го Ноября 1825 года.

29-ю. Большое спасибо, дорогой другъ, за твое хорошее и длинное письмо. Отвѣчаю тебѣ сегодня утромъ послѣ того, какъ почта уже ушла, потому что до двухъ часовъ я былъ частью у Италинскаго, частью у Гагарина, который уѣхалъ въ Сіенну на именины своей жены, онъ пробудетъ тамъ десять дней. Вотъ нѣкоторыя окончательныя рѣшенія по вопросамъ, интересующимъ насъ обоихъ. Вчера во второй разъ былъ возбужденъ вопросъ о твоёмъ представленіи. Я ожидалъ этого новаго открытія, и заранѣе приготовился отвѣчать. Я заявилъ, что твоимъ желаніемъ было сдѣлаться камеръ-юнкеромъ. Гагаринъ отвѣчалъ, что онъ увѣренъ въ томъ, что подобная попытка не встрѣтитъ отказа ни со стороны Италинскаго, ни со стороны того, для кого о ней просятъ. Рѣчь была также и о чинѣ, потому что мой товарищъ необычайно склоненъ оказывать намъ всевозможныя услуги. Мой отвѣтъ на послѣдній вопросъ былъ такой же самый, какой я далъ тебѣ самому. Я почти увѣренъ, что тебѣ откажутъ по той причинѣ, что прошло слишкомъ мало времени съ тѣхъ поръ, какъ тебѣ данъ послѣдній чинъ (*Conseiller honoraire*), и можно предвидѣть, что вмѣсто него Министерство дастъ тебѣ маленькій крестикъ св. Анны. Досадная вещь, которой нужно хорошенько избѣгать!—Гагаринъ рукоплескалъ въ отвѣтъ на мои разсужденія и повидимому рѣшено, что для тебя будутъ просить званія придворнаго.—Теперь появляется одно обстоятельство, котораго нужно ловко избѣжать и которое потребуетъ величайшей (*grandissima*) осторожности. Представленіе должно состояться только послѣ возвращенія Сверчкова, а вѣрно то, что раньше, чѣмъ оно состоится, тебя захотятъ свести съ нимъ. Такъ нужно, чтобы онъ не подалъ и вида, и не сказалъ ни слова на счетъ своей непосредственной рекомендаціи, потому что это погубило бы ходъ всего дѣла. Во 1-хъ, потому, что Италинскій не замедлилъ бы пожаловаться и тотчасъ перемѣнилъ бы мнѣніе, во 2-хъ, потому, что князь нашелъ бы наше поведеніе по отношенію къ нему неискреннимъ и достойнымъ порицанія; потому что первое, что онъ сказалъ бы мнѣ, узнавъ о представленіи Сверчкова:—Вы, стало быть, знали объ этомъ? Вы могли бы меня предупредить?—А это недостатокъ довѣрія, въ которомъ мнѣ невозможно было бы оправдаться.—Я ужъ говорилъ тебѣ это: твой предшественникъ получалъ чины и кресты, но всегда черезъ Римъ, а это самый лучший и самый вѣрный путь. Два представленія не при-

носить вреда тому, кого они касаются, но Италинскій одинъ имѣть право ихъ сдѣлать.—Сегодня его депеша насчетъ тебя подкрѣпитъ депешу Сверчкова и дѣло пойдетъ еще лучше, но, ради Бога, постарайся предупредить выступленія сего послѣдняго, потому что они могутъ принять необычайно вредный характеръ. Между прочимъ, если этотъ окольный образъ дѣйствій не въ твоёмъ вкусѣ, вотъ другое средство. Напиши письмо Гагарину. Скажи ему, что я говорилъ тебѣ о его любезныхъ намѣреніяхъ: поблагодари его и изобрази поступки Сверчкова, какъ попытки, кажуціяся тебѣ совершенно бесполезными и не могущими имѣть ни малѣйшаго успѣха до тѣхъ поръ, пока Италинскій не будетъ говорить объ этомъ въ Министерствѣ. Вотъ два способа.—Выборъ предоставляю тебѣ, но нужно окончательно рѣшиться, который выбрать. Теперь о томъ, что касается собственно моихъ выгодъ. Было сказано безповоротно, что я буду просить только о чинѣ. Во 1-ыхъ, для того, чтобы получить желаемое, я хочу опираться на авторитетъ старика; во 2-хъ, потому, что скоро три года, какъ я въ томъ же чинѣ; въ 3-хъ, потому, что не слѣдуетъ, чтобы мы оба просили одного и того же; въ 4-хъ, не имѣя никакого аттестата, я надѣюсь, что рекомендація Италинскаго замѣнитъ мнѣ его и, въ 5-хъ, потому, что министерство, будучи въ долгу передо мною, на этотъ разъ не замедлитъ дать мнѣ доказательство своего сердечнаго расположенія. Таково положеніе вещей. Ничего еще не рѣшено, стало быть, можешь писать прямо Гагарину и высказать ему твои желанія, твою благодарность и твои надежды. Путь вѣрный и опредѣленный. Такъ какъ тебѣ суждено долго прожить въ столицѣ, гдѣ есть дворъ, не такъ ужъ непріятно носить мундиръ, который отличалъ бы тебя отъ другихъ, а можно быть увѣреннымъ въ томъ, что край снабдитъ тебя галунами и всѣмъ, что можетъ быть тебѣ необходимо.

Письмо, только что полученное мною отъ Свѣчиной въ отвѣтъ на мое, въ которомъ я спрашивалъ у нея совѣта относительно плановъ моей поѣздки въ Парижъ, показываетъ мнѣ, что мнѣ нужно вооружиться большимъ терпѣніемъ. Она утверждаетъ, что мнѣ необходимо рѣшиться провести всю эту зиму въ Римѣ и опредѣленно доказываетъ, что мое переселеніе въ Парижъ вещь мало полезная и почти невозможная. Стало быть мнѣ нужно принять соотвѣтственныя мѣры. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже идутъ мои дѣла и я наконецъ вынужденъ ограничиться четырьмя дырявыми сорочками и такимъ же числомъ носовыхъ платковъ. Все остальное въ томъ же количествѣ, и я не вижу иного способа, какъ обратиться за помощью къ гр. Шуваловой. но чувствую, что никогда не буду въ силахъ просить ее самъ, и я умоляю

тебя, дорогой Мишель, помоги мнѣ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. Тебѣ хорошо извѣстно, въ чемъ оно заключается. Я никогда не говорилъ съ кузиной о своихъ финансахъ. Во время своего пребыванія въ Римѣ, она осыпала меня подарками, но у меня никогда не хватало смѣлости сказать ей хоть слово о деньгахъ.—Сдѣлай мнѣ одолженіе, шепни ей словечко объ этомъ. Пенсіи за два года хватило бы мнѣ на все необходимое. Но не откладывай этого дѣла. Ты употребишь все свое умѣнье, которое потребуетъ это дѣло, и если я не надѣюсь на успѣхъ, то увѣренъ, что просьба не внесетъ измѣненій въ наши родственныя отношенія.

